

*Александр Михайлович Гордин,
кандидат искусствоведения,
научный сотрудник Государственного Эрмитажа
(Санкт-Петербург)*

Matka Boska Częstochowska w Tierebeniach.

Неоконченное расследование

*Валентине Вениаминовне Мицовой
в год 33-летия нашего знакомства
– «Твоя от твоих»*

Нет, несмотря на латиницу в заглавии, имеется в виду вовсе не Terebiń, село Люблинского воеводства Польши, в котором, кстати, тоже есть деревянная церковь, а наш псковский уголок. Известность находящейся в Теребёнях диковинки – списка прославленной чудотворной Ченстохóвской (Ясногúрской) иконы Божией Матери – уже перешагнула границы Опочецкого уезда. На ее счет выдвигались в недавнее время самые смелые, чтобы не сказать фантастические, гипотезы¹. В 2016 году икона в числе раритетов теребенской церкви выставлялась в Гатчинском дворце-музее². Кажется, именно этот ее краткий «выход в свет» послужил толчком к появлению вольных, но легко узнаваемых подражаний, продающихся теперь через интернет-магазины икон.

Однако много ли мы знаем о теребенском списке (ил. 1)? Первый закономерно встающий вопрос: как и когда очутился он в Теребеньях? Откровенно говоря, возникала мысль, что произошло это отнюдь не в кутузовские, а в достаточно близкие к нам времена. Еще в 1980-е годы, со слов хранителя Святогорского монастыря и лучшего знатока местных древностей Михаила Ефимовича Васильева, приходилось слышать рассказ о священнике или выдававшем себя за священника аферисте откуда-то из южных областей, при участии которого из церкви ушло несколько ценных икон. Потом был суд, что-то чуть ли не из таможни вернули, но далеко не всё и, кажется, даже «вернули» что-то чужое... Позже, уже в начале нашего века, при работе в архиве выяснилось, что церковная опись 1827 года указывает на интересующем нас месте в иконостасе Варваринского придела совсем

¹ См. о них: Яковлева М. С. Опочка в зеркалах легенд. Псков, 2016. С. 44–46. О самой Ясногурской иконе см., в первую очередь, перевод опубликованной в 1972 г. прекрасной статьи реставратора Рудольфа Козловского: <http://czestochowa.ru/icon/kozłowski/>.

² «Столичное барокко из церкви древнего погоста», 25–31 декабря 2015 г. Вещи были вывезены в музей-заповедник «Гатчина» на период ремонта храма (благодарю за уточнения хранителя дворцовой церкви ГМЗ «Гатчина» Т. А. Кустову).

иной образ. *«Въ первомъ поясъ... на левой сторонѣ образъ казанской божіей матері наней венець жестеной и наисусъ христъ таковойже подѣ борѣдникъ какъ на божіей матері так и на Іусусъ христъ пошельковой матеріи вышетыи серебромъ, и наручкахъ божіей матері унизано жемчугомъ крупнымъ и мелкымъ крупнаго щетомъ 78^{мб} мелкаго 69^{мб} преднею лампада висящая медная»* (ГАПО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3403. Л. 7).

Описи вторит метрика 1887 года из архива бывшей Императорской Археологической комиссии: *«въ иконостасе придѣла съ лѣвой стороны притвора икона Божіей Матери Казанской, на ней венѣць и убрусъ серебряные старинные»* (РА ИИМК РАН. Р-Ш. Д. 5379. Л. 10)³. Казалось бы, вывод ясен: в XIX веке на месте нынешней Ченстоховской стояла вполне обычная, разве что щедро украшенная жемчугом, Казанская. Действительно, как можно в здравом уме окрестить нашу икону Казанской? Ведь они так несхожи... Но тут-то и закрадывается сомнение. Описание упоминает жемчужную обнизь «наручкахъ божіей матері», но особенность иконографии Казанской состоит как раз в том, что ручек Богородицы не видно, а видно одно только правое плечо. Сомнение усиливает и почти обязательный подквадратный формат Казанской, не соответствующий прямоугольнику иконостасной рамы. Стало быть, для иконы требовался киот или какие-то надставки сверху и снизу, но о них в описи нет ни слова. Вместе с тем список Ченстоховской идеально подходит по высоте к раме, словно бы та для него и делалась. Лишь боковые поля и два-три сантиметра фона иконы оказались опилены, но при переносе старых образов в новые «рамочные» иконостасы такое бывало нередко. Указанные описью венцы, «подбородники», они же подбородки, гривны или цаты⁴ – под головами Богоматери и Младенца, а также жемчуг «на ручках», говорят о том, что живопись была довольно основательно скрыта. Быть может, это и в самом деле создавало некую призрачную иллюзию сходства с Казанской?

Замечание метрики 1887 года по поводу названной иконы, а также подписного, датированного августом 7192 (1684) года образа Покрова Богородицы, *«иконы старыя, имѣють нужду въ обновленіи»* вполне приложимо к теребенской Ченстоховской, ибо капитальное поновление ее живописи, а также оклад, с расчетом

³ Выписка сделана Е. В. Христофоровой, в ту пору сотрудницей Пушкинского заповедника, и любезно предоставлена среди прочих материалов хранительницей теребенской церкви В. В. Мицовой.

⁴ См.: Гордин А. М. Церковное серебро XVI–XVIII веков из Опочки в собрании Псковского музея // «Родники истории края любимого». Материалы историко-краеведческих чтений 2021 года. Опочка, 2022. С. 17–18.

на который это поновление производилось, по убедительному заключению художника-реставратора, давнего друга Терebenей, Тамары Вадимовны Митиной, следует отнести к самому концу XIX, если не к началу XX века. Мелкие дырочки от крепления снятых венцов и низок жемчуга могли загрунтовать и закрасить: обратим внимание на полную переписку не только рук и лица Богоматери, но мафория на Ее голове. Не ранее этого момента диаметр нимбов был существенно уменьшен, а их позолота освежена аурипигментом. Наличие записи хорошо заметно и на шее Младенца. А вот Его красный хитон, хитон Марии вместе с монистом, «коруны», характерные шестиугольнички с надписями и часть необычного, очевидно имитирующего металлический оклад, пестрого фона из широких и тонких синих и красных мазков на некогда голубовато-зеленом поле, похоже, переписаны не были. Ведь их отныне прикрывал оклад.

Если под именем Казанской в документах, действительно, скрывается дошедшая до нас Ченстоховская, которую просто не умели правильно назвать, то это, в первую очередь, означает нахождение образа в Терebenях на протяжении, как минимум, двух с половиной столетий: Варваринский придел, напомним, по надписи на алтарном кресте, был освящен в 1778 году⁵.

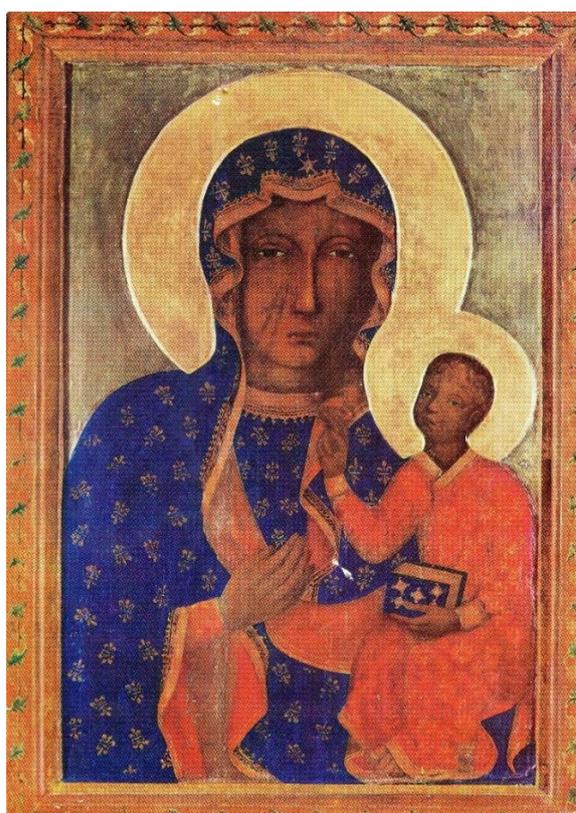
В любом случае, довольно чудная выходит история. Ведь существует, если так можно выразиться, «казанская» Ченстоховская – список, преподнесенный в 1813 году монахами осаждавшему Ясну Гүру генералу князю Ф. Г. фон дер Остен-Сакену и переданный затем М. И. Кутузову, который отправил список в Петербург. Там его поместили в новопостроенный Казанский собор, ставший тогда же местом упокоения самого Кутузова. (Ныне образ хранится в петербургском Музее истории религии⁶). Если же вспомнить, что осенняя Казанская празднуется в память изгнания из Москвы польских интервентов, то смешение двух икон окажется еще курьезней.

⁵ Лагунин И. И. Загадки сельского храма. Храм Воскресения Словущего погоста Терebenей // «Памятью жива Россия». Материалы историко-краеведческих чтений 2013 года. Опочка, 2014. С. 46–47.

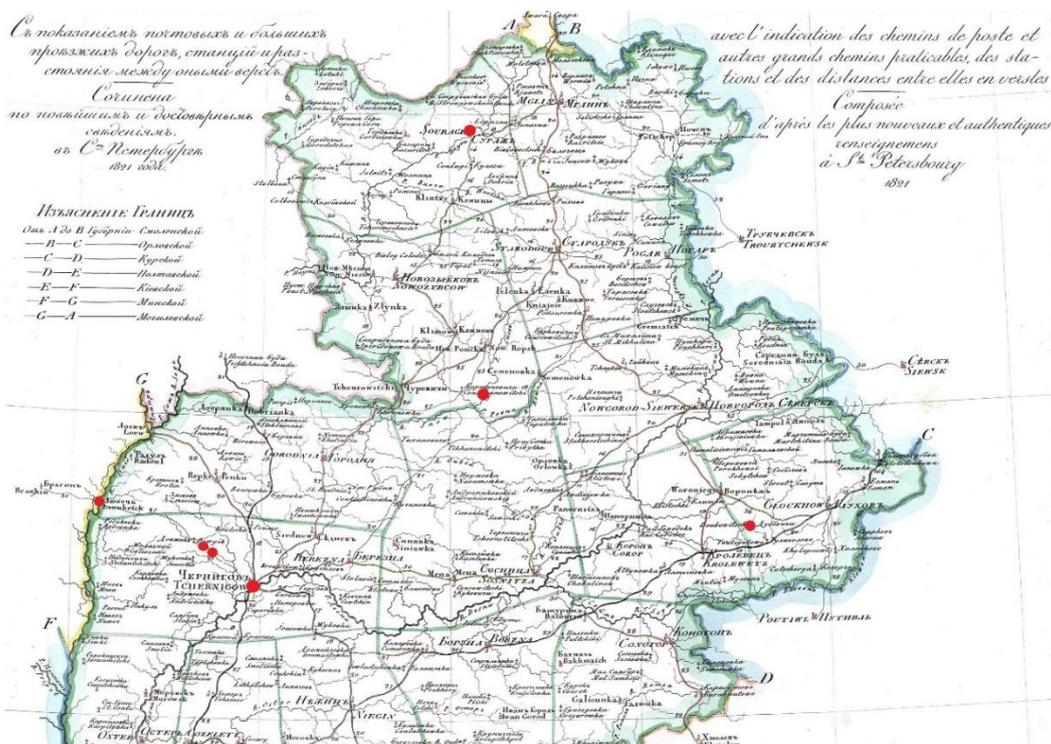
⁶ Здесь и далее информация без указания источника получена из перекрестного анализа различных Интернет-публикаций.

Ил. 1. Теробенский список Ченстоховской иконы Божией Матери. Рубеж XVII– XVIII вв. под записями конца XIX – начала XX в. Фото А. А. Савкина, 2010-е гг. (получено при содействии художника-реставратора Т. В. Митиной)

Ил. 2. Ченстоховская икона. Живопись начала 1430-х гг. на древней доске. © Emil Fink Verlag, Stuttgart (Fink-Kunstkarte Nr 6066). Снимок показывает икону после расчистки и реставрации XX в., без корон, ризы и привесов, которые закрывали ее все предшествующие столетия

Ил. 3. Часть карты Черниговской губернии (1821) с указанием мест почитания чудотворных списков Богородицы Ченстоховской

Гордин А. М.
Matka Boska Czestochowska w Tierebeniach. Неоконченное расследование

Предположение о появлении иконы в Терebenях до 1778 года, как ни важно оно само по себе, еще не дает ответа на вопрос о ее происхождении. Не может ли, однако, подсказать нам что-то сам образ?

Не раз уже, в частности Мариной Станиславовной Яковлевой⁷, отмечалось, что вопреки сравнительной близости терebenского списка к польскому оригиналу (ил. 2), в нем намного усилен поворот головы Богоматери к Младенцу. Хотя, как сказано выше, голова Богоматери на терebenской иконе сильно переписана, к данной особенности стоит приглядеться. По той простой причине, что, в большей или меньшей мере, она присуща сразу нескольким спискам Ченстоховской, чтимым в Православной Церкви под иными именами: Любечская или, правильнее, Любецкая, Руденская или Руднянская, Мохнатинская, Дубровицкая (Дубовичская), Новодворская. За исключением последнего, все эти имена – производные от названий сел и местечек Черниговщины, в которых указанные иконы прославились чудотворениями (ил. 3); еще минимум одна – Озерянская, она же Азарянская икона, связана с соседней Слобожанщиной, где слывет покровительницей Харькова⁸. Откуда же вдруг в тех краях столько чтимых списков Ченстоховской, восходящих в большинстве к XVII веку? Оказывается, обезлюдевшая вследствие войн Черниговщина активно заселялась в период принадлежности ее Речи Посполитой, с 1618 по 1648 год, когда всепольское почитание Ясногурского образа как раз набирало силу⁹. Касательно села Рудни, где в 1687 году произошли особенно громкие чудеса, имеется прямое указание, что она была основана польским шляхтичем. Широко чтимую Новодворскую икону доставили в Чернигов непосредственно с территории Польши из-под Пинска, правда из православного монастыря, где, видимо, опасались захвата ее униатами: случилось это около 1720 года, причем почти тут же из черниговского Ёлецкого монастыря икону перенесли в новоустроенный Благовещенский монастырь в Суреже, что ныне на Брянщине¹⁰. Мохнатинская, Озерянская и Новодворская иконы, в меньшей степени

⁷ Яковлева М. С. Опочка в зеркалах легенд. С. 45.

⁸ Православная энциклопедия. Т. 42. М., 2016. С. 37–40; Т. 47. М., 2017. С. 517–519; Т. 51. М., 2018. С. 585–588; Т. 52. М., 2018. С. 473–475 (статьи доступны online, автор – И. В. Злотникова). В известной книге Е. Н. Поселянина «Богоматерь. Полное иллюстрированное описание Ее земной жизни и посвященных Ее имени чудотворных икон» и других изданиях Руденская икона ошибочно отнесена к местечку Рудня, тогда Могилевской губернии, ныне же Смоленской области, которое до 1772 года пребывало в составе Речи Посполитой.

⁹ Благодарю за эти и другие сведения доцента Черниговского, а в настоящий момент Варшавского университета, археолога Елену Евгеньевну Черненко. Ею же любезно указана одна из воспроизводимых икон (ил. 7).

¹⁰ Barysenka V. Dzieje ikony Matki Bożej Nowodworskiej w czasach nowożytnych // Perspektywy kultury. Т. 38. Nr 3: Studia o kulturze cerkiewnej w granicach dawnej Rzeczypospolitej. 2022. S. 137–145. В статье Православной энциклопедии история иконы, к сожалению, освещена неточно.

Дубровицкая, судя по гравюрам, снимкам и копиям (ил. 4-7), смахивают на настоящие польские, предназначавшиеся либо для личного благочестия, либо для костелов и каплиц. Хотя ни в текстах церковных писателей XVII-XVIII веков, ни, тем более, в народных преданиях о названных иконах об их чудотворном Ченстоховском прообразе, насколько известно, умалчивалось. Мало того, Любецкую и небольшую, писаную на холсте, Озерянскую икону считали явленными, причем первой из них приписывалась больша́я древность¹¹. Новодворскую, как минимум с XVIII века, искренне принимали за ту, что, согласно житию, написал легендарный основатель Новодворской обители, будущий митрополит Киевский и всея Руси Петр († 1326) – тот, что *de facto* перенес митрополичью кафедру в Москву, где «Петровской» слыла совсем иная богородичная икона, правда также с правосторонним расположением Младенца, несколько схожая на ... Казанскую¹².

Бесспорно, крайне соблазнительно признать теребенский образ списком не собственно Ченстоховской, а одного из перечисленных (увы, утраченных либо затерянных в годы гонений и в военное лихолетье) северо-украинских и, шире, полесских ее списков. Соблазнительно, ибо, насколько можно судить до расчистки от записей, теребенский образ исполнен, скорее, русским мастером и, видимо, еще в петровское время, о чем говорят хотя бы старомосковские «коруны» и наличие у иконы ковчега и лузги¹³. А если это так, то копирование чтимой белорусской либо малороссийской иконы выглядит гораздо естественнее, нежели копирование иконы польской. Любецкая и, особенно, Руденская благодаря перенесению их в Киев – в Софийский собор (около 1647 года) и Вознесенский девичий монастырь (около 1690 года) соответственно, а также благодаря последующему воспроизведению в гравюрах, очень рано стали известны и в Москве, и в русской провинции.

¹¹ Православная энциклопедия. Т. 42. С. 37; Т. 52. С. 473.

¹² Гусева Э. К. К вопросу об атрибуции списков иконы Петровской иконы Божией Матери // Проблемы сохранения, изучения и популяризации культурного наследия Русской православной церкви. М., 2017. С. 396–422.

¹³ Ковчег – углубленная часть лицевой стороны иконной доски; лузга – скос между полями и ковчегом иконы.

Ил. 4. «Истинное изображение чудотворного образа Пресвятой Богородицы Мохнатинской...». Литография XIX в. Фото из Интернета

Ил. 5. Дубовицкая (Дубовичская) икона. Фото из книги «Картины церковной жизни Черниговской епархии из IX вековой ее истории» (Киев, 1911. С. 133)

Ил. 6. «Изображение и мера с чудотворныя иконы Пресвятыя ... Богородицы именуемая Азарянския...». Литография 1824 г. Фото из Интернета

Ил. 7. Список суражской Новодворской иконы из Нежина, 1823 г., 67 x 47x 2,2 см. Черниговский областной художественный музей, инв. ик-91. Фото из книги «Каталог икон з колекції музею. XVII – початок XX ст. Чернігівський обласний художній музей імені Григорія Галагана. Курач С. М., Острякова О. О., Ткач Ю. В. (редкол.)» (Житомир, 2020)

Гордин А. М.

Matka Boska Czestochowska w Tierebeniach. Неоконченное исследование

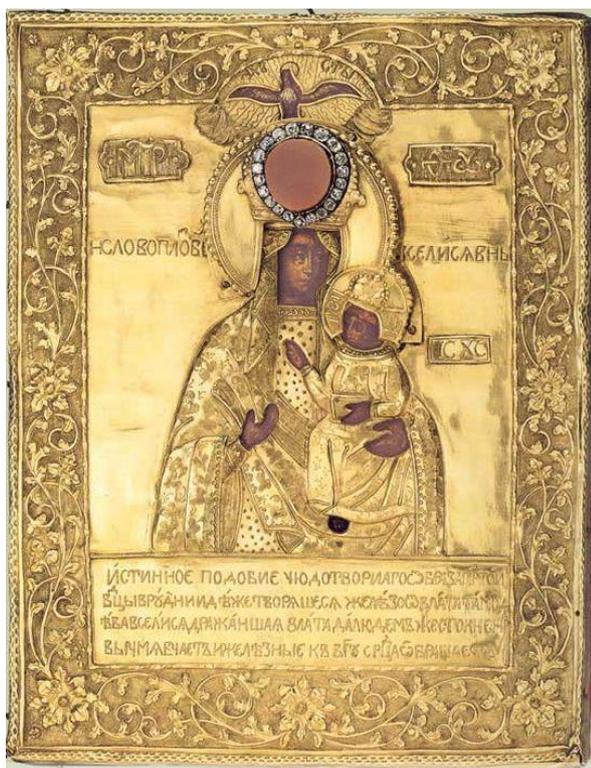
См., к примеру, икону Руденской с двенадцатыми праздниками конца XVII или начала XVIII века из Новодевичьего монастыря (ГИМ, инв. НД ИИ-275; 80 x 70,5 см), икону-пядницу того же времени с виршами Димитрия Ростовского в Эрмитаже¹⁴ (ил. 8), Руденскую с Богородицею, сидящей на престоле, первой четверти XVIII века из частного музея икон в с. Исаково Московской области (107 x 52 см). Но как раз и Любецкую, и Руденскую в силу ряда иконографических особенностей никак нельзя признать прототипами теребенской. То же приходится сказать о Мохнатинской, Дубровицкой и Озерянской, которые были к тому же, скорее, местночтимыми.

Иное – один небольшой, датированный 1734 годом, образ, представленный в Интернете в качестве списка Озерянской (ил. 9). Тут сразу замечаешь и схожие крупные черты лика Богородицы, и схожий задумчивый взгляд Младенца, и Его менее фронтальную посадку, и две торчащие из-под полы стопы – вместо одной, как на Ченстоховской и большинстве вышеназванных икон. Если это верно список Озерянской, то он явно комбинирует ее черты с чертами какого-то иного родственного прообраза. Отдельные детали указывают на уже рассмотренные Мохнатинскую или Руденскую, другие – на известную в петровское время даже в глубине России Новодворскую икону.

Обращение к иконографии последней дает, несомненно, более обнадеживающий, хотя и не вполне однозначный результат. С теребенской Новодворскую объединяет и, соответственно, рознит с предыдущими, не только посадка Богомладенца, но и такая заметная деталь как положение Его благословляющей десницы: не на фоне хитона Богородицы, а на фоне отворота Ее мафория, как и на подлинной Ченстоховской. А вот в других подробностях достоверные списки Новодворской между собой несколько расходятся, то совпадая, то нет с теребенским. Например, привесы из четок и цепей на персях Иисуса и Марии четко видны только на иконе раннего XVIII века из Ярославского художественного музея (ил. 10). Эта икона ближе к нашей и по ориентации правой кисти Богородицы. Зато с точки зрения посадки и наклона головы Младенца несколько ближе была утраченная (?) икона из Каменского монастыря на Черниговщине, впрочем, судя по воспроизведению, весьма поздняя либо целиком записанная¹⁵.

¹⁴ См. ниже прим. 20.

¹⁵ См.: Православная энциклопедия. Т. 51. С. 586. Письмо иконы совершенно не соответствовало эпохе ее легендарного дарителя, Лазаря Барановича, архиепископа черниговского с 1668 по 1693 год.

Ил. 8. Список-пяница Руденской иконы в золоченом окладе с виршами святителя Димитрия Ростовского, начало XVIII в. Государственный Эрмитаж. Фото из Интернета

Ил. 9. Список Озерянской (?) иконы, 1734 г. Фото из Интернета

Ил. 10. «Образ Пресвятой Богородицы Новодворская», начало XVIII в., 142 x 89 x 3,5 см. Ярославский художественный музей, инв. И-1798. Фото из Интернета (текст надписи на иконе уточнен старшей научной сотрудницей музея Е. Ю. Макаровой)

Ил. 11. Суражская Новодворская икона. Фото из книги «Картины церковной жизни Черниговской епархии из IX вековой ее истории» (Киев, 1911. С. 116)

Гордин А. М.

Matka Boska Czestochowska w Tierebeniach. Неоконченное расследование

Наконец, отличающий теребенский образ легкий наклон головы Матери к Младенцу уловим лишь на Новодворской-Суражской (ил. 11) и ряде ее списков (ил. 7). Хотя икона Суражского Благовещенского монастыря определенно считалась подлинной чудотворной Новодворской, признать ее общим прототипом других только что упомянутых икон, включая и теребенскую, затруднительно. Так, у суражской Новодворской гораздо сильнее выступает из-под «коруны» горизонтальный край мафория, чуть выше поднята десница Богоматери, а ниспадающая с нее пола, равно как и книжка в руке Младенца показаны с большими отступлениями от Ченстоховской, чем на теребенском списке. Многие из этих особенностей можно было бы объяснить неточностью позднего, XIX века, оклада суражской Новодворской, если бы их не было уже на Новодворской из Ярославля. Случайно или нет, на выгравированном в далеком 1680 году в Пинске украинским гравером И. Щирским изображении чудотворной Новодворской иконы подобных отступлений меньше, а посадка Младенца ближе к варианту теребенской, нежели суражской иконы (ил. 12).

Ил. 12. «Santa Novodvoria Virginis effigies». Гравюра Ивана Щирского. Пинск, 1680 г. (по: Злотникова И. В. Чудотворные иконы Брянского края и их списки. Проблемы бытования и иконографии: дис. кандидат искусствоведения: 17.00.04. М., 2011)

Вместе с тем, и это следует подчеркнуть, гравюра Щирского никак не могла быть прототипом ни ярославского, ни теребенского списка, ибо в силу малых размеров и техники множество деталей показано на ней грубей и условней, чем на иконах. (Второе награвированное Щирским изображение Новодворской, как не раз замечено, мало чем отличается от распространенных погрудных воспроизведений Ченстоховской¹⁶).

Повторения Новодворской иконы, возможно, имелись и в соседней с Опочецким уездом Белоруссии, хотя они до сих пор не выявлены¹⁷. Все ж таки

¹⁶ Barysenka V. Dzieje ikony Matki Bożej Nowodvorskiej w czasach nowożytnych. S. 138–139, il. 1, 2. Как и другая, гравюра помечена «Апо 1680. Pinski». Тот же И. Щирский позднее, уже в монашестве, неоднократно гравировал и списки Любецкой иконы.

¹⁷ Barysenka V. Dzieje ikony Matki Bożej Nowodvorskiej w czasach nowożytnych. S. 145. Благодарю автора статьи, филолога Ольгу Владимировну Борисенко, за консультацию.

большинство православных белорусов в XVII – начале XIX века пребывало в Унии с Римско-Католической Церковью, а потому здесь больше воспроизводили собственно Ченстоховский образ. Вероятно, именно благодаря сравнительной близости к нему тербенского списка, последний оказывается композиционно, за исключением положения головы Богоматери, достаточно схож с такой стилистически далекой от него иконой, как Ченстоховская второй половины XVII века из Пятницкой церкви деревни Месятичи на Пинщине в минском Музее старажытнабеларускай культуры: характерный «прищур» готической Мадонны и подобная латинской митре корона Марии с монограммой IHS снижают вероятность того, что месящичья икона воспроизводит Новодворскую.

Вольно, с какой-то сказочной выразительностью, преобразует облик Ченстоховской создатель большой иконы из гродненского Рождество-Богородицкого монастыря (в 1633-1839 годах униатского), что вследствие Первой мировой войны и последующих преследований монахинь очутилась в церкви подмосковного села Ермолина¹⁸. Понятно, что эта икона (раннего XVIII века?) совсем не похожа на тербенскую. Тем более примечателен еще более прямо обращенный здесь к Богоматери ожидаательно-вопрошающий взгляд Младенца.

Подводя итог этим заведомо запутанным сопоставлениям, можно без преувеличения сказать, что намечающиеся в иконах белорусского и украинского Полесья робкие отступления от иконографии Ченстоховской Мадонны свое наиболее осмысленное, логичное завершение получают как раз в тербенском списке или, скорее, в том, не выявленном пока, варианте Новодворской или иной иконы, который тербенский список до нас донес. Четвертной поворот головы Богоматери сопровождается здесь едва уловимым склонением к Сыну, а чуть усиленный по сравнению с Ченстоховской наклон головы самого Младенца дополняется обращенным в сторону Матери ласковым, улыбчивым, но вместе с тем задумчивым взглядом. Вдобавок, благодаря более ракурсной посадке, Младенец словно бы еще ближе придвинут к Марии, а из-под Его одежды показывается край правой стопы. На Ченстоховской сокрытие одной стопы художественно оправданно, а вот на списках из Полесья из-за отступлений в рисунке стопы уже зримо недостает (исключая Любецкую и Дубровицкую иконы и разные второстепенные копии, где она так или иначе показана). Тот факт, что особенности тербенского списка вписываются в

¹⁸ См., к примеру: <https://mosregtoday.ru/news/istorii-svyatyn-podmoskov-ya/polskaya-ikona-v-podmoskovnom-sele/>

достаточно широкую тенденцию переосмысления православными иконописцами исходных черт польской иконы, подтверждает и пример пядичной иконы 1752 года из знаменитой семьи Муравьевых-Апостолов, где вместе с правой стопой Иисуса в образ Руденской внесен и зримый наклон головы Марии (ГИМ, инв. И VIII 6284, 25,8 x 20,8 см).

Суждение о подлинном стиле любого произведения, скрытого под слоями поновлений – дело неблагодарное. Правда возможность удаления записей с теребенской иконы без риска нарушить целостность ее облика пока вызывает сомнения: под записями на ликах, указывает Т. В. Митина, в боковом освещении видны чинки и вставки левкаса, т. е. грунтовой основы. Несомненно, во всяком случае, что присущие иконе тихая гармония, мягкость, теплота, особенно в сравнении с отстраненно «холодной» Новодворской из Ярославля, присущи ей изначально, делая далеко не праздным вопрос о возможном авторстве псковского мастера, интерпретировавшего в традициях псковского искусства некий привозной образец. Едва ли, в самом деле, можно вослед отцу Георгию Мицову приписывать икону кому-то из мастеров кремлевской Оружейной палаты: большинство их работало в более сухой и «академичной» манере. А потому, прежде чем ломать голову над тем, кто и откуда привез икону в Теребенский погост, не худо бы убедиться, что ее не могли создать в пределах Псковской епархии. Чудесам неведомы державные границы, и молва об исцелениях перед Новодворской иконой могла дойти до Пскова непосредственно из Речи Посполитой. Хотя, конечно, расстояние берегов Великой было намного большим, нежели до Киева, где список Новодворской еще чуть ли не в 1620-е годы украсил собой Михайловский Златоверхий собор¹⁹. Или до Чернигова, откуда в августе 1677 года приезжал в Новый Двор на торжество перенесения чудотворного образа в новую церковь молодой иеромонах Дмитрий Туптало, будущий Ростовский митрополит и чудотворец²⁰ – к лику святых его причтут в тот самый год, что числится по документам годом постройки теребенской церкви (1757).

¹⁹ Киево-Златоверхо-Михайловский монастырь. Исторический очерк от основания его до настоящего времени. Киев, 1889. С. 97. Существование этого списка любезно указано О. В. Борисенко.

²⁰ Barysenka V. Dzieje ikony Matki Bożej Nowodworskiej w czasach nowożytnych. S. 140. В 1689 году тот же Дмитрий Туптало был у прославившейся чудесами иконы Богородицы в черниговском местечке Рудня (см. выше) и даже заказал с нее мерный список. – Сочинения святого Димитрия, митрополита Ростовского. Т. 1. М., 1839. С. 468–469, 486–487. Критическое издание записок («Диариуша») см.: Федотова М. А. Свяtitель Димитрий Ростовский: Житие, Служба, чудеса: Исследование и тексты. СПб., 2022.